

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Н.В. ВЕСЕЛКОВА

(ИМ)МОБИЛЬНОСТЬ В НАСТРОЕНИЯХ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ: ЭВАКУИРОВАННЫЕ И ТРУДМОБИЛИЗОВАННЫЕ НА УРАЛЕ 1940-х гг.¹

Аннотация. Мобильность, как и инклюзия, по умолчанию наделяются позитивной коннотацией, что создает иллюзию всегда субъектного выбора. В статье рассматривается вариант вынужденной (им)мобильности, которой подвергались эвакуированные, трудмобилизованные и др. в военное и послевоенное время. Задачи исследования — выяснить, какими предстают эти люди в дискурсивных конструкциях своего времени — субъектно действующими лицами или зависимыми от чужой воли, агентами социально одобряемого (или не одобряемого) порядка или заложниками ситуации? Эмпирической базой послужили доступные в «Центре документации общественных организаций Свердловской области» (ЦДООСО) сводки вопросов, заданных трудящимися агитаторам на собраниях, лекциях, митингах и т. д. в 1942–1947 гг., дополненные газетными публикациями и некоторыми другими источниками. Анализ в терминах аффективного и темпорального порядков показал, что оказавшиеся на Урале люди воспринимали свое положение как временное, что выражалось в понятии «чемоданных настроений». Власти же были заинтересованы в закреплении кадров в местах эвакуации предприятий, опасаясь потери контроля над ситуацией. Эта коллизия прослеживается на предмет градаций субъектности вынужденно (им)мобилизованных граждан, выделены условно «нулевая», «начальная» и, в сравнении с ними,

Веселкова Наталья Вадимовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», Институт социальных и политических наук.

Адрес: Екатеринбург, Ленина, д. 51. **Телефон:** +7 (343) 350-73-68.

Электронная почта: vesselkova@yandex.ru

¹ Автор благодарит за консультации доктора социологических наук Е. Прямикову, доктора философских наук Е. Труbinу, кандидата социологических наук М. Вандышева.

«повышенная» степень субъектности. Отдельно освещается положение трудармейцев: жителей Средней Азии и советских немцев. Отмечается, что у последних мобилизация в трудовую армию наложилась на этнически стигматизированную идентичность, после войны они были подвергнуты инклюзии через поселение «навечно».

Ключевые слова: мобильность; укорененность; инклюзия; эксклюзия; субъектность; аффективный порядок; темпоральный порядок; трудармейцы; советские немцы; Урал.

Для цитирования: *Веселкова Н.В.* (Им)мобильность в настроениях советских людей: эвакуированные и трудмобилизованные на Урале 1940-х гг. // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 2. С. 115–135. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5164

В эпоху мобильности подвижность по умолчанию наделяется положительными коннотациями. Даже если люди бегут от войн, религиозных преследований, природных или антропогенных катастроф, рассуждения о категории мобильности обычно связываются с принятием субъектных решений (см., например: [16]). Имплицитно используемая при этом теория рационального действия призвана объяснить причины избрания той или иной территории, как если бы индивиды совершали полноценный выбор. За кадром остаются эвакуации, депортации и трудовые мобилизации с прикреплением к предприятию и месту его дислокации. Именно такой вид (им)мобильности «не по своей воле»² характеризует передвижения огромных масс советских людей в военный период и первые послевоенные годы, предопределяя нынешний облик многих регионов, включая Урал.

Военное время, с одной стороны, выводит на первый план силовое регулирование по причинам, обусловленным государственной необходимостью (реальной или декларируемой), с другой — обостряет чувства населения, их переживания по поводу покинутых и новых мест. Задачи исследования — выяснить, какими предстают эти люди в дискурсивных конструкциях своего времени — субъектно действующими лицами или зависимыми от чужой воли, агентами социально одобряемого (или не одобряемого) порядка или заложниками сложившейся ситуации, ее жертвами? Эмпирической базой для поиска ответов на эти вопросы служат в основном доступные в «Центре документации общественных организаций Свердловской области» документы: протоколы, справки и сводки вопросов, «задаваемых трудящимися» агитаторам на собраниях, лекциях, митингах и т. д. в разных уголках области в 1942–1947 гг., дополненные газетными публикациями и некоторыми другими источниками.

² По названию книги П. Поляна [10].

Партийные органы мониторили настроения, бдительно следя за проявлениями «нездоровья»; в анализе этих материалов о жизни послевоенного советского общества Е. Зубкова [6] по существу сводит настроения к общественному мнению. Представляется, однако, что понятие «настроения» заслуживает самостоятельного, нередуцированного употребления. В близком к рассматриваемому периоду издания словаря С.И. Ожегова находим два значения слова «настроение»: «внутреннее, душевное состояние» и «склонность делать что-нибудь» [13]. Примененные к социальным группам эти два аспекта оказываются вполне пригодными для социологической концептуализации, что подтверждает их активное использование в отечественной социологии с 90-х гг. XX в.³ Для того чтобы методологически корректно вписать «настроения» в понятийный аппарат теорий действия (субъектность) и стратификации (мобильность и укорененность, инклюзия и эксклюзия), нам понадобится помощь категории «социальный порядок», конкретизируемой в понятиях аффективного и темпорального порядков. При этом нас будет интересовать не столько императивность направляющих поведение «отчетливых максим», согласно взятому за основу веберовскому определению социального порядка, сколько их конструируемость ([2, с. 637]; см. также [4]).

«Чемоданные настроения» и (некоторые) другие аспекты аффективного и темпорального порядков

Аффективный порядок — система социальных чувств; системность и социальность — то, что роднит данное понятие с «эмоциональным режимом» Уильяма Редди, «политикой эмоций» Сары Ахмед [18; 19]. При этом понятие аффективного порядка выводит на передний план, во-первых, спонтанность и слабую управляемость настроений, в отличие от акцента на нормативности эмоций и официальности выражающих их ритуалов как необходимого фундамента стабильного политического режима у Редди ([19, р. 129; 9, с. 11–36]; см. также [3]). Сказанное не означает, конечно, абсолютной неподконтрольности; сама практика лекций и вечеров вопросов и ответов о текущем моменте в 1940-е гг. есть институциональная форма, ритуально канализирующая бурлящее беспокойство и тем самым отчасти обезвреживающая его опасный потенциал.

Во-вторых, терминология «аффективный порядок» призвана подчеркнуть высокую концентрацию и сплавленность буквально обуревающих людей переживаний, когда опыт (еще) не осмыслен и не разложен по полочкам. У. Редди также говорит о сплавленности,

³ Фактически в тех же самых значениях — доминирующих социальных чувств и установок, но с выходом на измерение благополучия, устроенности и устойчивости [15, с. 28], позднее — на изучение счастья.

но в отношении неотделимости эмоций от когниций («когмоции») и о перформативном потенциале эмоций («эмотивы»). Последнее актуально для понимания как действий властей, пытавшихся закрепить на месте рабочую силу, так и стремления к свободному передвижению разнообразных категорий населения: эвакуированных на Урал, трудмобилизованных, призванных в школы ФЗО и т. п.

В-третьих, крайне важно проследить темпоральность аффективного порядка — его специфическое временное определение, в котором выделяются два аспекта: а) продолжительность — временно или постоянно («навечно») и б) рубеж, разделяющий на «до» (конца войны) и «после».

Прибывшие на Урал люди воспринимали свои перемещения, наряду с другими тяготами войны, как вынужденные и временные и именно поэтому мирились с ними. Временность выражалась в «чемоданных настроениях», тогда как «государственные интересы» требовали закрепления новоприбывших с начала эвакуации, то есть задолго до решения оставить вывезенные в тыл предприятия там навсегда. Соответствующую установку задавала центральная печать. В материале об эвакуированном из Воронежа под Куйбышев авиационном заводе № 18 «Правда» рисует по-веберовски отчетливые ориентиры правильного поведения: «...завод устроился на новом месте *прочно, по-хозяйски*. Ничего не слышно о так называемых “*чемоданных настроениях*”, никто не глядит за ворота [здесь и далее курсив наш. — *Н.В.*]. Происходит обратное и чрезвычайно характерное явление: к заводу на его “новоселье” тянутся из родного города сотни людей»⁴.

Выражение «чемоданное настроение» очень хорошо передает суть: это было длящееся, не мимолетное, состояние, и в то же время с постоянно сжатой пружиной, определяющей готовность сорваться в обратный путь. Этот настрой был насколько порицаем, настолько, по-видимому, и распространен. В апреле 1942 г. секретарь Серовского Райкома ВКП(б) по кадрам негодовал: «у большинства работников [Марсятского] рудника, в том числе у руководящего состава рудника, у партийной организации появилось и существует до сих пор “*чемоданное настроение*”»⁵. Как угроза выполнению плана такое состояние и два года спустя подвергается отчаянной критике партийцами Базстрога НКВД:

⁴ Львов М. На новом месте // Правда. 7 мая 1942 г. № 127.

⁵ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 1878. Оп. 1. Д. 153. Л. 17–18; здесь и далее цитаты приводятся в современной орфографии и пунктуации. На Марсятском и Полуночном рудниках на Северном Урале работали эвакуированные с Украины — Никопольского марганцевого рудника.

«Для выполнения возложенных на нас решением ГКО задач мы должны в первую очередь ликвидировать “чемоданные настроения”, которыми охвачены отдельные ИТР работники и служащие БАЗСТРОЯ, ставящие личные интересы выше государственных и под всякими предложениями старающиеся переменить место жительства на Северном Урале на более благоприятные климатические условия южных районов нашего Советского Союза» (28 апреля 1944 года).

«Как на нездоровое отношение надо указать на тягу некоторых работников уехать со стройки, что в основном вызвано плохими жилищно-бытовыми условиями» (30–31 августа 1944 года)⁶.

Строительство Богословского алюминиевого завода (БАЗа) в районе будущего Краснотурьинска действительно проходило в «суровых условиях», в сентябре 1944 г. партсобрание Базстроя НКВД и БАЗа укажет со ссылкой на ЦК партии: «Надо подумать о хорошем быте рабочих. ЦК осудил практику “временного” быта, надо подготовить рабочего к оседлости, создав ему максимум условий»⁷.

Приведенный сюжет содержит два важных момента. Во-первых, стремление уехать — это интерес личный, но доминировать должен государственный, концентрирующий людей вокруг производства, а не благоприятных условий места жительства. «Чемоданные настроения» дестабилизируют обстановку, тогда как необходимо по-хозяйски прочное укоренение на новом месте. Во-вторых, предполагается, что люди вообще-то вольны испытывать разные настроения и субъектно, по своей воле перемещаться по стране, все дело только в выбранном векторе. Газета прославляет «тянущихся» в нужную сторону простых рабочих с семьями, протоколы ругают ИТР и руководителей, изыскивающих разные поводы, чтобы «улизнуть». Тем самым по крайней мере за частью работников признается право на внутренний импульс мобильности. Другая же часть либо вообще не упоминаются (как узники Безыменлага, обустроивавшие завод № 18 на новом месте), либо фигурируют совсем в другом контексте (как заключенные и трудармейцы, что разрабатывали Марсятский рудник, — они участвовали в многократных передвижениях, но не субъектно, а в качестве объектов внешних манипуляций).

Оказавшиеся на Урале люди сохраняли в числе важнейших ценностей привязанность к покинутым местам. Темпоральный порядок, организующий жизнь переселенцев, предполагал некий «естественный» предел их пребывания на Урале. Для одних таким рубежом виделось освобождение родных краев, для других, как следует из зафиксированных вопросов, — завершение конкретных работ: «По окончанию

⁶ ЦДООСО. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 2. Л. 91, 127.

⁷ ЦДООСО. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 2. Л. 161.

строительства будут отправлять эвакуированных рабочих по месту прежней их работы?» (Каменск-Уральск, апрель 1944 г.)⁸. И все, конечно, страстно ждали конца войны. Сегодня сложно представить, насколько неопределенной была эта точка на временном горизонте: конца войны ожидали каждый год, и неясно было, что именно станет концом войны — освобождение советской территории до тех или иных границ либо разгром врага на его земле.

Достигнутый в 1943 году перелом в ходе войны активировал устремленность людей домой. В информационной сводке по Свердловской области уже в начале 1943 г. десять из 437 вопросов непосредственно связаны с реэвакуацией: «Скоро ли будут посылать эвакуированных в те места, откуда они приехали, если эти места уже освобождены от немцев?». Материалы подборки выдают действующий тогда способ контроля мобильности: «Пусть ли эвакуированных на свое местожительство?»; «Можно ли получить пропуск в Ростовскую область?» — не пускали. Ответ на вопрос: «Почему в данный момент запрещается проезд по железной дороге?» фактически содержится в опасении, звучащем в другой фразе данного текста: «Не захиреет ли промышленность Урала после окончания войны?»⁹.

Само наличие этих вопросов и их массовость, распространенность по разным территориям и среди различных категорий населения служат проявлением субъектности, поскольку попытки прояснить параметры желанной обратной мобильности — это элемент управления этим процессом. В то же время советские граждане настолько были не властны над своим местоположением, что хотели убедиться в возможности самого факта возвращения:

«Все ли эвакуированные после войны смогут поехать в свои родные места? (Каменск-Уральск, Азовстальстрой)» (июль 1943 г.).

«Будут ли после окончания войны рабочие эвакуированных предприятий *возвращены* на родину?» (Свердловск, ноябрь 1944 г.).

«Будут ли мобилизованные и эвакуированные *возвращены* в родные края после войны?» (Серов) (декабрь 1944 г.).

«Будут ли *возвращены* организованно на родину эвакуированные рабочие, ИТР и служащие? (Ревдинский завод)» (май 1945 г.).

«*Будут ли брать рабочих* с заводом при перебазировании его?» (Верхне-Тавдинский РК, ноябрь 1945 г.)¹⁰

⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 128. Л. 111.

⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 99. Л. 30 48.

¹⁰ ЦДООСО. Оп. 38. Д. 99. Л. 86; Оп. 39. Д. 128. Л. 120об; Оп. 40. Д. 143. Л. 2, 164; Д. 144. Л. 69.

«Мобилизованные и эвакуированные» выглядят неодушевленными телами, которых будут — или не будут — возвращать на место, брать заодно с заводом и т. п., то есть дискурсивно конструируются в крайней степени несубъектности, в качестве объектов внешних манипуляций. При детальном рассмотрении на этом фоне выделяются более субъектные фразы: «На заводе народ *приезжий*, после войны думают *разъехаться по домам*, допустимо ли это будет (завод № 268)» (Каменск-Уральский ГК, январь 1945 г.)¹¹. Хотя вопрос сформулирован в модальности разрешения — да или нет — заводчане предстают как субъекты планов «разъехаться по домам», а четкое позиционирование в качестве приезжих предполагает закономерность отъезда. Характерно, что зафиксированный в этот период по другому городу Свердловской области вопрос содержит ту же лексику — «по домам»: «Будут ли отпускаться эвакуированные *по домам* и как будет представляться им жилплощадь, сейчас уже занятая?» (Асбестовский ГК, январь—февраль 1945 г.)¹²

Критерий более субъектной формулировки дает логическая структура вопроса, а именно указание на недостающее знание. Спрашивающие о том, будут ли их в принципе «возвращать» на родину, демонстрируют определенно меньшую субъектность, нежели те, кто, не сомневаясь в праве реэвакуации, уточняют порядок ее организации:

«Как будет производиться отправка эвакуированных в освобожденные районы?» (Ревда, Собрание женщин общежития Стройуправления № 5, 1943).

«В какие области Советского Союза, освобожденные от немецко-фашистских захватчиков, разрешен въезд эвакуированных?» (Сухоложье) (июнь 1944).

«Правильно ли делают, не снимают меня с работы на заводе, если я эвакуирован и *сейчас желаю поехать* работать в *свою* местность?» (Сухоложье) (июнь 1944)¹³.

С победой настроения возвратной субъектной мобильности приобрели новый импульс по всей стране [6, с. 40], проявление чего в Свердловской области находим, например, в майской 1945 г. сводке из Карпинска: «Мобилизованные рабочие, особенно из Тамбовской области, на предприятиях после окончания войны начали вычеркиваться из списков на индивидуальные огороды, говоря, что “нас мобилизовали до конца войны и теперь мы скоро уедем домой”

¹¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 144. Л. 1.

¹² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 144. Л. 11–12об.

¹³ ЦДООСО. Оп. 38. Д. 99. Л. 159; Ф. 4. Оп. 39. Д. 128. Л. 46, 49об.

(2-й разрез, трест Богословуглестрой)»¹⁴. По результатам анализа вопросов, заданных в Нижнем Тагиле в мае 1945 г., горком пришел к выводу о кардинальном изменении их характера. Из более чем тысячи высказываний «на различные темы — об отпусках, об улучшении снабжения и питания, о днях отдыха и т. д.» у рабочих «четырежды орденосного Уральского танкового завода № 183» теперь абсолютно лидирует вопрос: «Когда можно будет возвратиться на Родину?». Его задали 567 человек, что составило 43% от общего числа вопросов, среди трудармейцев и кадровых рабочих — по 46%, среди женщин — 39%, а у молодежи — 31%¹⁵. Указанный в сводке статус орденосного завода, высокий процент спрашивающих о возвращении среди почитаемой категории кадровых рабочих — своеобразная легитимация, попытка придать праведное звучание стремлению к отъезду.

Сочувствие или оправдание, как кажется, проглядывают и в описании ситуации на заводе № 687, размещенном в Новоуткинске под Первоуральском: «Эвакуированные работники завода, ссылаясь на беспечность руководителей завода и тяжелые жилищно-бытовые условия, *неудержимо рвутся* уехать в Ленинград»; и так «крайне неблагоприятные» жилищные условия (за четыре года не было введено ни метра жилья) к концу войны стали еще хуже, когда в поселок начали возвращаться демобилизованные из армии — «более 20 семьям работников завода сделано предупреждение о выселении с квартиры»¹⁶. Желание уехать испытывали, конечно, не только работники промышленности; директор нижнетагильского Индустриального института жаловался в августе 1945 г.: «После окончания учебного года в учебную часть посыпались заявления с просьбой отпустить по месту жительства семей»¹⁷.

Как показывают все эти истории, источник действия «неудержимо» перемещался от верхушки к рядовым работникам, что верхушкой трактовалось крайне негативно и требовало немедленного «укрощения». Комментируя 19-го мая 1945 г. вопросы, заданные в связи с актом о военной капитуляции Германии, Свердловский обком хотел бы видеть ситуацию такой: «Многие рабочие эвакуированных предприятий *желают остаться* жить и работать на Урале, их интересует, как будут удовлетворяться насущные материально-бытовые нужды», но вынужден был признать, что также «имеют место *настроения бросить*

¹⁴ ЦДООСО. Оп. 40. Д. 143. Л. 163.

¹⁵ Рассчитано по таблице, представленной в сводке Нижнетагильского ГК от 13.06.1945. — ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 143. Л. 204–206.

¹⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 138. Л. 179–180.

¹⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 138. Л. 119.

все и уехать скорее. Рабочие заводов № 46, 607, 28 и др. (Свердловск) заявляют: «Война окончилась, реэвакуируемся, здесь жить не будем, зачем огороды засаживать?»¹⁸. В адресованном в ЦК ВКП(б) варианте того же текста уже говорится: «*Большая часть* эвакуированных рабочих и мобилизованных во время войны на работу на оборонные предприятия настроена демобилизационно и стремятся к тому, чтобы уехать с Урала в те районы, откуда они прибыли по эвакуации. Для обоснования реэвакуации приводят различные доводы: пребывание семьи на старом местожительстве, плохие жилищные условия, суровый климат Урала, плохое обеспечение обувью, одеждой, отсутствии фруктов и т. д.»¹⁹. В закрытой партийной документации, таким образом, в этот момент признается массовость «реэвакуационных настроений». Для их приемлемого объяснения используется мотив воссоединения с семьей, выведенный здесь на первое место — до материальных трудностей, пасовать перед которыми считалось недостойным.

Дополнительные либеральные надежды породил указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией. В представлении населения он как бы нейтрализовал карательные действия указа от 26 июня 1940 г. о дезертирстве и прогулах. Информатор Свердловского ГК ВКП(б) констатировала: «...указ вызвал демобилизационные настроения, особенно на эвакуированных заводах. Многие, заходя в прокуратуру, утверждают, что теперь беспрепятственно можно гулять по всему Советскому Союзу, и считают, что судить за самовольный уход с предприятия не будут»²⁰. Приводимый в этом документе вопрос: «Какие возможности теперь у директора удержат народ и особенно эвакуированную молодежь?» обнажает функцию государственного регулирования — удерживать людей, которые не желают более оставаться в местах эвакуации, но хотят беспрепятственно перемещаться по стране.

В обобщенной сводке по области 20 июля 1945 г. подобным настроениям дается уже однозначно негативная оценка: «...некоторые остальные категории трудящихся неправильно поняли указ, рассчитывают на то, что указ даст возможность безнаказанно оставлять работы, переходить с одного предприятия на другое»²¹. Подключается пресса. Указ об амнистии вышел 7 июля, а уже 10 июля 1945 г. орган Свердловского обкома «Уральский рабочий» в передовице прославляет уральские

¹⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 143. Л. 68.

¹⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 143. Л. 180.

²⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 143. Л. 27.

²¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 143. Л. 103–104.

предприятия, осуждая рабочих, которые «не прочь с легким сердцем покинуть завод, в угоду *личным* желаниям оставить важный пост, не считаясь с интересами *государства*. “Перелет” с одного предприятия на другое резко осуждался в дни войны и теперь к нему не может быть другого отношения»²². Вскоре газета разовьет тему с упором на дисциплину²³. Точки над «i» расставлены: приоритет отдается государственным интересам, преемственности суровой производственной дисциплине военного образца в мирное время.

Подобные установки, однако, мало кого вдохновляли. Так, на упоминавшемся заводе № 183, эвакуированном из Харькова в Нижний Тагил, «с окончанием войны среди части эвакуированных и мобилизованных рабочих, инженеров, техников, руководителей отделов, цехов и служб усилились настроения покинуть завод и возвратиться на прежнее местожительство [*вычеркнуто*: несмотря на то, что это ставит завод в тяжелое положение, наносит серьезный ущерб интересам производства]»²⁴. В конце 1945 г. такой настрой расценивается как зло, разносимое «отдельными злостными летунами и дезорганизаторами производства»²⁵, с которыми надлежало решительно бороться.

Е. Зубкова полагает, что стихийная реэвакуация, дезертирство с предприятий в данный период превращались в «своеобразную форму протеста людей, которые не желали мириться с нормами военного быта в условиях наступившего мира» [6, с. 45]. Думается, дело не сводится только к бытовым вопросам, хотя официальный дискурс в основном именно так и позиционировал настроения отъезда, все больше отводя на задний план стремление граждан ориентироваться на собственные ценности, в том числе на привязанность к родным краям и, шире, — свободу выбирать место жительства и работы. К окончанию войны желанное возвращение выступало символом: а) перехода к мирной жизни, б) осуществления как собственных чаяний, так и обещаний государства, что, в свою очередь, означало в) реализацию субъектной мобильности.

Отказ рождал ощущение обмана — уже ничем не оправданной несвободы и несубъектности. Когда осенью 1944 г. рабочим московского завода № 356 («Геодезия», эвакуированного в Свердловск в 1941 г., в дальнейшем — свердловское НПО «Автоматика», «Вектор») было «разъяснено, что решением правительства завод перебазирован

²² Любить свой завод // Уральский рабочий (УР). 10.07.1945. № 162.

²³ Железная дисциплина — залог нашей непобедимости // УР. 21.07.1945. № 172.

²⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 139. Л. 63.

²⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 139. Л. 63.

в Свердловск *навсегда*», они крайне возмущались этим обстоятельством: «Почему при эвакуации нам говорили, что мы выезжаем в длительную командировку, а сейчас должны остаться на все время?»²⁶. Квинтэссенцией усиления негативизма и связанных с ним аффектов, пожалуй, может служить фраза из протокола заседания бюро Нижнетагильского ГК ВКП(б), когда мастер прославленного завода № 183 на собрании 27 февраля 1946 г. «в самой грубой форме со злобой на весь зал из задних рядов выкрикнул: “Я хочу домой и чтобы я *свободно* мог работать, *где я хочу*”»²⁷. Люди ни в коем случае не отказывались работать, они «только» желали сами выбирать, где им трудиться, и именно это чувство свободы все больше пугало и возмущало власти.

Представленные материалы не только содержательно насыщают схемы социального порядка, но и выявляют полную драматизма динамику. «Чемоданные настроения» присутствовали в течение всего анализируемого периода и чрезвычайно усилились к концу войны. Аффективно они выражались в страстном желании уехать, темпорально — в понимании приехавшими на Урал людьми своего пребывания как (кратко)временного. В первые годы войны подобные устремления всячески пресекались; победа, казалось, заставила власти отнестись к таким настроениям сочувственно, однако очень быстро гайки вновь жестко закручиваются. Это происходит вместе с переключением «тумблера» темпорального порядка на «постоянный» регистр вместо «временного», что воспринимается как обман и вызывает возмущение. Названные изменения проявляются в дискурсивных конструкциях субъектности на уровне тематики и логической структуры вопросов, а также общей модальности высказываний.

Трудармейцы — социальное конструирование идентичности и место в социальной структуре

Особую категорию заложников вынужденной мобильности / оседлости составляли трудармейцы, мобилизация которых зачастую осуществлялась по национальному признаку. В частности, в годы войны на Урале оказалось значительное количество людей, призванных по Средне-Азиатскому военному округу. Не знающие языка, непривычные к уральскому климату и местным условиям труда, они были особенно уязвимы. Обитателям района Уралмаш запомнилась расшифровка аббревиатуры «УЗТМ» военных лет — «узбек, здесь твоя могила», что отражало высокую смертность рабочих из Средней Азии (см., например: [8, с. 68, 112]). Все это законо-

²⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 128. Л. 122об., 23–25.

²⁷ ЦДООСО. Ф. 483. Оп. 9. Д. 45. Л. 260.

мерно подогревало их желание поскорее уехать, как свидетельствует зафиксированный уже в июле 1943 г. вопрос: «Когда нас, узбеков, отпустят домой? (Кировградмедьзавод)»²⁸. После войны эту категорию мобилизованных решено было не удерживать. 10 ноября 1945 г. Свердловский ОК ВКП(б) принял постановление «Об освобождении и откомандировании на родину узбеков, мобилизованных в период Отечественной войны»²⁹. Уже за полгода областная газета писала об их будущем на родине как о решенном деле — они «составят ядро кадровых рабочих промышленности Средней Азии»³⁰. Их «самоотверженный труд на оборону Родины» освещался в колониально-цивилизаторском ключе. Многие из сыновей Средней Азии, прибывших на Урал в годы войны, говорилось в коротких заметках, никогда прежде не видели крупных заводов и ничего не знали о металлургии или машиностроении, а теперь освоили сложные профессии, стали стахановцами и ударниками.

Целые заводы и даже города, такие как БАЗ и Краснотурьинск, возводились преимущественно трудармейцами немецкой национальности. Насколько известно, систематического сравнения трудмобилизованных из Средней Азии и немцев не проводилось³¹. Можно предположить, что по отдельным позициям их положение различалось. Те из советских немцев, кто владели русским языком и в целом были интегрированы в российскую культуру, имели определенное преимущество перед трудармейцами из Средней Азии. Тех и других призывали в трудармию через военкоматы, однако у выходцев из Узбекистана, Таджикистана, Казахстана этому не предшествовало «выселение с треском»³² и они не принадлежали к национальности врага, как советские немцы. Главным же преимуществом трудмобилизованных из Средней Азии стала их официальная отправка на родину уже в 1945 г., тогда как немецкая трудармия была расформирована только в 1946-м, после чего советских немцев поставили на учет спецкомендатур в статусе спецпоселенцев и спецвыселенцев³³.

²⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 99. Л. 85.

²⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 88. Л. 11.

³⁰ Лебедев Е. Узбеки на Урале // УР. 25 мая 1945 г. № 123; Почетные грамоты стахановцам из Средней Азии // УР. 29 июня 1945 г. № 179.

³¹ О ситуации в Челябинской области см.: [17].

³² «Выселить с треском» — слова из резолюции Сталина в отношении советских немцев; они считаются последним толчком к системным действиям советского государства против своих граждан немецкой национальности в августе 1941 г. Фраза обыгрывается в названиях ряда публикаций, как то: [5; 11].

³³ О различии статусов советских немцев в послевоенный период см.: [1].

Социальное конструирование категории советских немцев интенсивно осуществлялось с начала войны под воздействием соответствующих указов, начиная с самого известного — от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Стигматизация задавалась двояко — не только через замаранную этничность, но и через статус трудармейца. В официальных документах трудармейцы фигурируют в одних списках с заключенными, как в рапортах о трудовых достижениях, так и в призывах к бдительности в отношении спецконтингента. По самоощущению же немцы-трудармейцы были советскими мужчинами и женщинами и первое время искренне недоумевали и противились несправедливому обращению: «Почему женщин, в частности немок, оторвали от детей малого возраста и до сего времени не отпускают в Омскую область? (Серов)» (сентябрь 1943 г.)³⁴. Вопросы агитаторам в карпинских общежитиях в начале 1943 г. демонстрируют стремление освободиться от опасных идентификаций: «Почему сделаны специальные зоны для немецких рабочих? Многие из немцев *только числятся немцами*, а все время жили в России и даже не знают немецкого языка. Был у них дед или бабка немцами. Почему они тоже мобилизованы и находятся на положении *настоящих немцев?*»³⁵. «Настоящий немец», очевидно, тогда отождествлялся с врагом, фашистом. «Наши» же немцы отчаянно пытались себя им противопоставлять, как В.К. Шнейдер, который в 1951 г. в письме Сталину и в газету «Правда» писал: «Я немец, но немец наш, советский», задавая вопросы о причинах преследования таких людей в Советском Союзе [12, с. 466–467].

По другую сторону в анализируемом процессе были бдительные сограждане и специально обученные люди, усилия которых направлялись на то, чтобы не дать немцам раствориться в советском обществе. В условиях военного противостояния расовой идеологии фашизма здесь тоже речь шла о примордиальной подлинности. В 1943 г. доброжелатель под псевдонимом «Знающий» в письме в редакцию «Уральского рабочего» разоблачал «двух чистокровных арийцев», эвакуированных с семьями в Талицу Свердловской области. Этим сотрудникам «Союзпромпроекта» «в дни изъятия немцев из Москвы», как пишет аноним, помогли руководители треста, отправив в командировку³⁶. Подобные случаи прокладывания собственных траекторий во избежание нежелательной мобильности, очевидно, были не единичны, люди помогали друг другу. В.Э. Квиринг на страницах

³⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 99. Л. 115.

³⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 99. Л. 3.

³⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 133. Л. 27–28.

автобиографии отдает должное смелости и благородству своих начальников в московском тресте «Метгорсвязьстрой», в опасные периоды дважды отсылавших его в дальние командировки³⁷. Таким образом, действия властей, направленные на эксклюзию советских немцев из полноценной жизнедеятельности, находили поддержку снизу; однако одновременно вырабатывались и низовые тактики поддержки, препятствующие дезинтеграции.

К моменту относительного ослабления режима трудармии, а затем и ее ликвидации, выжившие и закрепленные за спецкомендатурами люди были фактически иммобилизованы. Например, переведенный из трудармии на строительстве Челябинского металлургического завода на спецпоселение В.Э. Квириг дал расписку «о невыезде за пределы трех километров из Металлургического района [до центра было 12 км! — *Н.В.*] города Челябинска»³⁸. Собственно, целью создания системы послевоенных спецпоселений специалисты и считают удержание на месте депортированных народов (см., например: [7, с. 108]), что было особенно актуально в действительно «отдаленных», слабо обжитых районах. «Трудармейцы в наших условиях являются решающей силой в выполнении программы строительства» — признавал Политотдел Базстроя НКВД 9 мая 1942 г.³⁹, такое положение сохранялось и после войны. В новообразованном Краснотурьинске в конце 1945 г., как и везде, «все мобилизованные стремятся после освобождения уехать — к своим семьям»⁴⁰, поэтому решающим фактором обеспечения рабочей силой оставалось принудительное закрепление, теперь в форме спецпоселения. В восприятии этого режима — наряду с общим разочарованием советских людей от несбывшихся надежд на улучшение послевоенной жизни — у немцев присутствовало ощущение униженности, дпящееся с самого начала высылки в трудармию в годы войны [3].

Депривация усиливалась широко распространенной бытовой ксенофобией и структурной эксклюзией. На уральских материалах хорошо прослеживается общая закономерность: по мере завершения самых тяжелых строительных работ повышалась потребность в высококвалифицированных специалистах, и немцы продвигались по служебной лестнице. Но одновременно с необходимостью всеми правдами и неправдами «закрепить» рабочую силу набирал обороты

³⁷ Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 40. Л. 78–79.

³⁸ ГААОСО. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 40. Л. 82.

³⁹ ЦДООСО. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 11. Л. 47.

⁴⁰ ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 1. Д. 2. Л. 71.

маховик исключения немцев из социальной структуры, в том числе из трудовой занятости⁴¹. В условиях катастрофической нехватки кадров разворачивается кампания против «засоренности». Документы по Краснотурьинску содержат примеры такой борьбы в разных сферах и в разные годы — на теплоэлектроцентрали БАЗа в 1946 г., в ведомственной охране предприятий промышленности в 1948–1949 гг., на железной дороге в 1952 г.⁴²

Весьма показательны были эти процессы в сфере образования. В конце 1946 г. Краснотурьинский ГК ВКП(б) констатировал, что «Положение с учительскими кадрами в школах города исключительно тяжелое: не хватает 10 учителей начальных классов и 6 учителей-предметников. Всего учителей в городе 173. <...> В том числе 30 учителей-спецпереселенцев /немцев/, которых утвердил ОБЛОНО при комплектовании школ учительскими кадрами. Горком партии считает *неправильным использование на работе учителей-немцев*»⁴³. Тогда же отказали в приеме в партию директору школы ФЗО и занялись разбором его деятельности, установив, что из необходимых по штатному расписанию 33 человек фактически имеется 26, «из них немцев 7 чел., что составляет 27%». Важно обоснование: «Учащиеся школы ФЗО в стенах учебного заведения получают не только специальность, но и воспитание, а директор школы на такой важнейший участок работы принял немцев»⁴⁴. Аналогичная ситуация в 1946 г. складывалась и в Нижнетагильском индустриальном институте⁴⁵. О том, насколько закономерным оказывалось подобное восприятие советских немцев в послевоенные годы, свидетельствует «крик души» члена ВКП(б), заместителя управляющего трестом Министерства вооружения из г. Златоуста Челябинской области. В своем письме секретарю ЦК ВКП(б) М.А. Сулову в 1948 г. он сообщал, что в школах «по десять и более человек учителей-немцев». Такой учитель «вряд ли сумеет привить ребенку любовь к Родине, доказать величие нашей Конституции и могущество великого русского народа. <...> И учитель-немец не захочет этого сделать, и школьник не поверит в его искренность» [14, с. 663–664].

Для немцев-трудармейцев справедливы все сделанные выше наблюдения относительно восприятия ими временности своего положения. Уже летом 1943 г. участники партсобрания рабочих-немцев

⁴¹ Другой важный аспект эксклюзии — препятствия к установлению «бытовых связей» — заслуживает отдельного обсуждения, здесь он вынесен за скобки.

⁴² ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 4. Д. 51. Л. 23; Оп. 1. Д. 9а. Л. 78, 172.

⁴³ ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 1. Д. 9а. Л. 31.

⁴⁴ ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 4. Д. 51. Л. 30.

⁴⁵ ЦДООСО. Ф. 483. Оп. 9. Д. 45. Л. 272–282.

треста «Богословуголь» отмечали «разного рода кривотолки среди рабочих о демобилизации»⁴⁶. В мае 1945 г. остро встал вопрос: «Какое будет решение правительства по отношению немцев-граждан СССР после войны? (мобилизованные рабочие немецкой национальности)» (Карпинск); в июле вопрос ставился уже иначе: «Почему не разрешают власти на местах выезд наших семей к нам в Карпинск? (немецкая национальная зона)» (Карпинск)⁴⁷. Как и всем остальным, окончание войны добавило трудармейцам уверенности, она сквозит в формулировках вопросов субъектного типа: «Когда будут отпустить мобилизованных из стройбатальонов?» (Каменск-Уральский, июль 1945 г.), «Когда будет демобилизована трудармия?» (Талица, Богданович, январь 1946 г.)⁴⁸. К концу 1945 г. в вопросах о времени выражаются уже недоумение и недовольство: «Почему до сих пор не отпускают трудармию?» (Алапаевск, Каменск-Уральск, Верхняя Тавда)⁴⁹. Постановление СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпоселенцев» ввело запрет на самовольный выход за пределы ведения комендатуры, постановление «О выселенцах» от 24 ноября 1948 г. закрепило поселение «навечно», перевернув режим временности.

Таким образом, мобилизованные по национальному признаку трудармейцы разделяли настроения других категорий советских граждан, не по своей воле очутившихся в новых местах, и в то же время имели свои «отягощения». На представителей среднеазиатских республик негативно влияла чуждость культурных и природных условий, для советских немцев решающей стала их принадлежность к «наказанному народу».

Заключение

В военный и послевоенный периоды разные категории людей, участвовавших в боевых действиях, оказались вовлечены в масштабные процессы (им)мобилизации. Мирясь с вынужденным перемещением и жизнью вдали от дома во время войны, после ее окончания люди уже «неудержимо рвались» обратно. Власти же были заинтересованы в закреплении кадров в местах эвакуации, а главное, в удержании контроля над ситуацией, которую грозила разрушить субъектная мобильность. Разность потенциалов возвратной мобильности и укоренения задавала напряженность аффективного порядка в рассматриваемый период. И только в краткий момент победного мая 1945 г. пар-

⁴⁶ ЦДООСО. Ф. 942. Оп. 1. Д. 138. Л. 28.

⁴⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 143. Л. 160, 221.

⁴⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 144. Л. 4; Оп. 41. Д. 176. Л. 14.

⁴⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 143. Л. 50.

тийные документы как будто оправдывают чувства жаждущих отъезда людей, однако очень скоро тон меняется на однозначно порицающий.

В целом, принудительная инклюзия сопровождалась десубъективацией, которую выдают формулировки самых первых вопросов о *возможности* реэвакуации. Вместе с тем представляется возможным выделить несколько градаций субъектности. Условно *нулевая субъектность* была у тех, кто вообще не высказывал своих желаний (не имел возможности). Наличие некоей *начальной степени субъектности* доказывает, на наш взгляд, сам факт вопросов, пусть и из самой приниженной, бесправной позиции. *Повышенную* по сравнению с этим *степень субъектности* обнаруживают формулировки о *порядке* возвращения; такая позиция явственно проговаривается в конце войны и непосредственно после победы.

Немцы-трудармейцы, с одной стороны, оказались в одной лодке с другими заложниками военных перемещений. С другой стороны, положение советских немцев отличается наложением двух видов вынужденной мобильности — депортации по национальному признаку и трудовой мобилизации. В итоге советские немцы оказались в зоне действия противонаправленных тенденций — насильственного удержания на месте и выталкивания из социальной структуры. Основанный на (кратко)временности и ориентированный на рубеж окончания войны темпоральный порядок был разрушен указом о закреплении в местах выселения «навечно». Работникам многих эвакуированных предприятий тоже объявили, что возвращение отменяется, однако им не нужно было ежемесячно отмечаться в спецкомендатуре и за самовольную отлучку им не грозило 20 лет каторжных работ, как «выселенным» немцам. На немцах изменение настроек социального порядка в военный и послевоенный период сказалось гораздо сильнее, чем на других категориях (им)мобилизованных граждан, в силу чего опыт советских немцев в высокой степени проникнут одновременно жизнестойкостью и ресентиментом [3].

Блокирование послевоенной мобильности не могло не привести к усилению мрачных тонов в аффективном порядке, для выравнивания палитры которого уже в 1946 г. была выпущена серия постановлений (самое известное — о М. Зощенко и А. Ахматовой), предписывающих гражданам «бодрость» и «готовность преодолевать препятствия», но это уже другая история.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердинских В.А.* Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. — 768 с.
2. *Вебер М.* Избранные произведения / Пер. с немецкого; Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. — 808 с.

3. *Веселкова Н.В.* «Хоть волком вой на уральскую луну»: Советские немцы-трудармейцы — чувства и дискурсы // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2015. С. 689–697.
4. *Веселкова Н.В.* «Будущее не может наступить» и другие темпоральные игры (концепция темпоральной субъектности / порядка) // Пути России. Будущее как культура: прогнозы, репрезентации, сценарии: Сборник / Под ред. М.Г. Пугачевой, В.С. Вахштайна. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 404–422.
5. «Выселить с треском». Очевидцы и исследователи о трагедии российских немцев: Сборник научных статей и воспоминаний / Под ред. А.А. Германа, О.Ю. Силантьевой. М.: МСНК-пресс, 2011. — 352 с.
6. *Зубкова Е.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2000. — 229 с.
7. *Кириллов В.М., Разинков С.Л.* Спецпоселение советских немцев в Свердловской области: территориальное распределение, правовое положение и взаимоотношения с властью (1946–1956 гг.) // GEDENKBUCH: Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941–1946. В 2-х т. Т. 1 / Авт.-сост.: В.М. Кириллов, П.М. Кузьмина, Н.М. Паэгле и др. М., Нижний Тагил: РНД, НТГСПА, 2008. С. 107–126.
8. Непридуманные истории, подсказанные людской памятью: 30, 40, 50-е годы XX столетия в воспоминаниях детей, давно ставших взрослыми / Сост. И.Н. Демченко. Екатеринбург: Издательский дом «Автограф», 2013. — 200 с.
9. *Плампер Я.* Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера и др. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 11–36.
10. *Полян П.М.* Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, Мемориал, 2001. — 327 с.
11. *Полян П.* «Выселить с треском». К 70-летию депортации советских немцев // Газета. 3 августа 2011 г. № 088 [электронный ресурс]. Дата обращения 16.02.2015. URL: <http://www.mn.ru/newspaper_history/20110803/303718617.html>.
12. Словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов. Изд. третье. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1953. — 848 с.
13. Советская жизнь. 1945–1953 / Сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецова, А.И. Минюк, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2003. — 720 с.
14. Советская национальная политика: идеология и практики, 1945–1953 / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М.: РОССПЭН, 2013. — 950 с.
15. *Тощенко Ж.Т.* Социальное настроение — феномен социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–34.
16. *Флорида Р.* Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства / Пер. с англ. М.: Strelka Press, 2014. — 368 с.
17. *Шмыров Б.Д.* Условия жизни и труда трудмобилизованных из средне-азиатского военного округа // GEDENKBUCH: Книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой.

- 1942–1946. В 4-х т. / Авт.-сост.: В.М. Кириллов, С.Л. Разинков, Е.П. Турова. Т. 4. М., Нижний Тагил: МСНК, НТГСПА, 2014. С. 148–159.
18. *Ahmed S.* The Cultural Politics of Emotion. New York: Routledge, 2004. — 232 p.
19. *Reddy W.* The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — 380 p. DOI: 10.1017/SBO9780511512001

Дата поступления: 18.02.2015.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL

2017. VOL. 23. NO. 2. P. 115–135. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5164

N. V. VESELKOVA

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation.

Natalia V. Veselkova — Candidate of Sociological Sciences, docent at the Chair of Applied Sociology, Department of Social and Political Studies, Institute of Social and Political Sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. **Address:** 51, Lenin Avenue, Ekaterinburg, Russian Federation. **Phone:** +7 (343) 38-99-731. **Email:** vesselkova@yandex.ru

**(IM)MOBILITY IN THE MOODS AND ATTITUDES OF SOVIET PEOPLE:
EVACUATED AND LABOR MOBILIZED INDIVIDUALS IN THE URALS, 1940's**

Abstract. Mobility, as well as inclusion, is attributed by default with a positive connotation, which creates the illusion of an always subjective choice. The article discusses forced (im) mobility, which evacuated, labor-mobilized and certain other individuals were subject to during wartime and post-war periods in the Urals. The main task of this study was to figure out who these people appeared to be in the discourse constructs of their time — subjective characters or those dependent on someone else's will, agents of a socially acceptable (or unacceptable) order or hostages of the situation? The empirical base consists of certain lists of questions which were addressed to working people in 1942–1947 and available at the Documentation Center of public organizations of the Sverdlovsk region, supplemented by newspaper articles and some other documents. Analysis in terms of affective and temporal orders shows that people who were relocated to the Urals perceived their situation as temporary, what is expressed by the term “packed and ready to move”. Authorities were interested in keeping personnel in those localities where enterprises were evacuated to, while fearing loss of control over the situation. This conflict is considered with regard to the subjectivity gradations of forced migrants. Three gradations are identified: zero, basic and increased degree of subjectivity. Separately illustrated is the situation of those drafted into the Trudarmee — inhabitants of Central Asia as well as Soviet Germans. It is noted that the latter's mobilization into the Trudarmee was superimposed onto their ethnically stigmatized identity; after the war, they were subject to forced inclusion through a system of special “permanent” settlements.

Keywords: mobility; rootedness; inclusion; exclusion; subjectivity; affective order; temporal order; trudarmee; Soviet Germans; the Urals.

For citation: Veselkova N.V. (Im)mobility in the moods and attitudes of soviet people: Evacuated and labor mobilized individuals in the Urals, 1940's. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2017. Vol. 23. No. 2. P. 115–135. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5164

REFERENCES

1. Berdinskikh V.A. Spetsposelentsy. *Politicheskaya ssylka narodov Sovetskoi Rossii*. [Special settlers: The political exiles of the peoples of Soviet Russia.] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2005. 768 p. (In Russ.)
2. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya*. [Collected papers.] Transl. from Germ.; Ed. by Yu.N. Davydov; Pref. by P.P. Gaidenko. Moscow: Progress publ., 1990. 808 p.
3. Veselkova N.V. “One could howl like a wolf to the Ural moon”: *Soviet Germans-members of labour army in their feelings and discourses. Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma*. [Soviet state and society in the late Stalinism.] Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina publ., 2015. P. 689–697. (In Russ.)
4. Veselkova N.V. “The future can not come” and other temporal games (The concept of temporal subjectivity, order). *Puti Rossii. Budushchee kak kul'tura: prognozy, reprezentatsii, stsenarii: Sbornik*. [The ways of Russia. The future as a culture: forecasts, representations, scenarios.] Ed. by M.G. Pugacheva, V.S. Vakhshtain. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2011. P. 404–422. (In Russ.)
5. “Yselit' s treskom”. *Ochevidtsy i issledovateli o tragedii rossiiskikh nemtsev: Sbornik nauchnykh statei i vospominanii*. [“To evict with a bang”. Witnesses and researchers talk about the tragedy of Germans from Russia: Collection of scientific articles and memoirs.] Ed. by A.A. German, O.Yu. Silant'eva. Moscow: MSNK-press publ., 2011. 352 p. (In Russ.)
6. Zubkova E. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953*. [Post-war Soviet society: Politics and everyday life. 1945–1953.] Moscow: ROSSPEN publ., 2000. 229 p. (In Russ.)
7. Kirillov V.M., Razinkov S.L. Special residence of Soviet Germans in the Sverdlovsk region: territorial distribution, legal status and relations with the authorities (1946–1956). *GEDENKBUCH: Kniga pamyati nemtsev-trudarmeitsev Bogoslovlaga. 1941–1946*. [Book of memory of Germans — members of labour army in Bogoslovlag. 1941–1946.] In 2 Volumes. Vol. 1. Ed. by V.M. Kirillov, P.M. Kuz'mina, N.M. Paegle, et al. Moscow, Nizhnii Tagil: RND, NTGSPA publ., 2008. P. 107–126. (In Russ.)
8. *Nepridumannye istorii, podskazannye lyudskoi pamyat'yu: 30, 40, 50-e gody XX stoletiya v vospominaniyakh detei, davno stavshikh vzroslymi*. [Uninvented stories prompted by human memory: 30, 40, 50s of the 20th Century in the recollections of children having grown up long ago.] Comp. by I.N. Demchenko. Ekaterinburg: Izdatel'skii dom “Avtograf” publ., 2013. 200 p. (In Russ.)
9. Plamper Ya. Emotions in Russian history. *Rossiiskaya imperiya chuvstv: Podkhody k kul'turnoi istorii emotsii*. [Russian empire of feelings: Approaches to the cultural history of emotions.] Ed. by Ya. Plamper, at al. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2010. P. 11–36. (In Russ.)
10. Polyan P.M. *Ne po svoei vole...: Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsii v SSSR*. [No freedom of choice... History and geography of forced migrations in the USSR.] Moscow: OGI, Memorial publ., 2001. 327 p. (In Russ.)
11. Polyan P. “To evict with a bang”. To the 70th anniversary of the deportation of Soviet Germans. *Gazeta*. August 3, 2011. No. 088. Accessed 16.02.2015. URL: <http://www.mn.ru/newspaper_history/20110803/303718617.html>. (In Russ.)

12. *Slovar' russkogo yazyka*. [Dictionary of the Russian language.] Comp. by S.I. Ozhegov. 3rd ed. Moscow: Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarei publ., 1953. 848 p. (In Russ.)
13. *Sovetskaya zhizn'. 1945–1953*. [The Soviet life. 1945–1953.] Comp. by E.Yu. Zubkova, L.P. Kosheleva, G.A. Kuznetsova, A.I. Minyuk, L.A. Rogovaya. Moscow: ROSSPEN publ., 2003. 720 p. (In Russ.)
14. *Sovetskaya natsional'naya politika: ideologiya i praktiki, 1945–1953*. [The Soviet national policy. The ideology and practices. 1945–1953.] Comp. by O.V. Khlevnyuk, et al. Moscow: ROSSPEN publ., 2013. 950 p. (In Russ.)
15. Toshchenko Zh.T. Social mood is a phenomenon of contemporary sociological theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1998. No. 1. P. 21–34. (In Russ.)
16. Florida R. *Kto tvoi gorod? Kreativnaya ekonomika i vybor mesta zhitel'stva*. [Who's your city? How the creative economy is making where to live the most important decision of your life.] Transl. from Eng. Moscow: Strelka Press publ., 2014. 368 p.
17. Shmyrov B.D. Living and working conditions of labour-conscripted people from the Central Asian military district. *GEDENKBUCH: Book of memory of Germans — members of labour army in Bakalstroy-Chelyabmetallurgstroy ITL. 1942–1946*. In 4 Volumes. Vol. 4. Comp. by V.M. Kirillov, S.L. Razinkov, E.P. Turova. M., Nizhnii Tagil: MSNK, NTGSPA publ., 2014. P. 148–159. (In Russ.)
18. Ahmed S. *The cultural politics of emotion*. New York: Routledge, 2004. 232 p.
19. Reddy W. *The navigation of feeling: A framework for the history of emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 380 p. DOI: 10.1017/CBO9780511512001

Received: 25.12.2015.
